

ЗВЕЗДЫ
НАУЧНОЙ
ФАНТАСТИКИ

АДАМ РОБЕРТС

СТЕКЛЯННЫЙ ДЖЕК

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)
P58

Серия «Звезды научной фантастики»

Adam Roberts
Jack Glass
A Golden Age Story

First published by Gollancz, London.

*Печатается с разрешения издательства The Orion Publishing Group
Ltd при содействии литературного агентства Synopsis*

Дизайн обложки: *Марина Акинина*

В оформлении обложки использована
иллюстрация *Дарьи Кузнецовой*

Перевод с английского: *Наталья Осояну*

Стихи в переводе *Николая Караева*

Подписано в печать 05.02.16.

Формат 84 x 108 1/32. Усл. печ. л. 28,56.

Тираж экз. Заказ №

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 1; 953000 — книги, брошюры

© Adam Roberts, 2012. *All rights reserved*
© Наталья Осояну, перевод, 2014
© Дарья Кузнецова, иллюстрация, 2015
© Николай Караев, перевод стихов, 2014
© ООО «Издательство АСТ», 2016

Посвящается Меррил Уинн Робертс

Повествование, которое я намереваюсь сей же час продокторватсонить для твоего же блага, о читатель, посвящено величайшей загадке нашего времени. Конечно, я имею в виду так называемое «открытие» Мак-Оли, который якобы обнаружил способ перемещаться быстрее скорости света, а также волну убийств, предательств и насилия, последовавшую за этим открытием. Ведь это же, как ни крути, БСС! Всем известно, что его не существует, каждый из нас осведомлен о том, что оно противоречит законам физики. Но всё-таки! И, опять же, сие повествование посвящено величайшему из людей, с кем мне довелось встречаться, — знаменитому, пусть даже в печальном контексте, Стеклянному Джеку. Единственному и неповторимому Стеклянному Джеку: детективу, наставнику, защитнику и убийце; личности, наделённой необычайными способностями к интерпретации фактов, касающихся убийств, именно в силу тесного знакомства с убийствами как таковыми. Увы, читатель, но на страницах этой книги прольётся кровь, умрёт порядочное количество людей, и ещё не обошлось без политики. Будут

опасности, способные испугать. Мне пришлось избрать для повествования сообразную детективную форму; или, если соблюдать точность (а это обязательное условие), рассказать три взаимосвязанные детективные истории.

Но мы будем с тобой, читатель, играть честно с самого начала, иначе какой из меня Ватсон? И потому позволю всё объяснить сейчас, ещё до того, как мы приступим.

Одна из детективных историй происходит в тюрьме. Другая — обычный поиск убийцы. И ещё одна представляет собой загадку запертой комнаты. Не могу обещать, что изложу их именно в таком порядке, но ты легко разберёшься, что к чему, и развесишь соответствующие ярлыки. Если только тебе не покажется, что каждая из них одновременно является всеми тремя, и в этом случае я вряд ли смогу тебе помочь.

Преступник везде один и тот же — ну разумеется, Стеклянный Джек собственной персоной. Разве могло быть иначе? Разве когда-либо существовал более известный убийца?

Так, надеюсь, будет справедливо?

Твоя задача — прочитать эти записки, разгадать загадки и найти преступника. Хотя тебе уже известно, в чём суть, разгадка станет сюрпризом. Если в каждом из трёх случаев итог окажется менее чем впечатляющим, значит, у меня ничего не вышло.

А я не люблю проигрывать.

Часть I

В ЯЩИКЕ

— Эй, Лиз! Что в ящике?
— Голосок моих сомнений.

*Лиз Фэр. Дым*¹

Тюремный корабль назывался «Маринатор». С кулинарией его ровным счётом ничего не связывало.

Это была его шестая остановка, и, как уже происходило пять раз, всё началось с разгрузки снаряжения. Последняя семерка заключенных ждала своей очереди в трюме. Стоило кому-нибудь кашлянуть или стукнуть пяткой по пластметаллической стене, тут же раздавалось эхо. И всё-таки с трудом верилось, что перед вылетом с 8 Флоры² в отсек запихнули больше сорока человек. Для такого количества он явно был маловат.

Что-то загрохотало. Корабль содрогнулся.

— Этот стук,— сказал Гордий,— означает, что выгрузили синтез-ячейку. Я слышал, её можно закор-

¹ *Фэр, Лиз* (наст. имя Элизабет Кларк Фэр), — американская рок-певица. — *Здесь и далее примеч. пер.*

² *8 Флора* (8 Floga) — астероид главного астероидного пояса. Открыт 18 октября 1847 г. английским астрономом Джоном Хиндом в Лондоне, Великобритания. Назван в честь древнеримской богини цветов и весны Флоры.

тить и взорвать весь астероид в самом буквальнойшем из буквальных смыслов, то бишь превратить его в пыль, которая быстро рассеется в...

— Заткнись,— сказал Луон.

Но Гордий не мог заткнуться. Он видел, как других заключённых бесцеремонным образом выгружали, помещая каждую партию в отдельную тюрьму. Понимая, что теперь подошла и его очередь, он всё больше терял контроль над собой.

— Вы хоть знаете, что такое космос? Это крепостной ров, через который никак не переберешься. На миллионы миль вокруг простирается пустота. Мы никогда не вернёмся домой. Одиннадцать лет? Нам столько не продержаться. А если на нашу долю и выпадет столь счастливый жребий, мы к тому моменту уже сойдём с ума и не захотим отсюда улететь.

Луон повторил просьбу несколько выразительнее и яростнее, чем в первый раз.

— Вот! — сказал Гордий.

Корабль сбрасывал груз в пещеру: цилиндрический воздушный скруббер¹, светощест, маленький пакет со спорами и — самое важное! — три бура, привязанных друг к другу. Инерция движущегося груза и третий закон Ньютона вынуждали пластметаллический корпус «Маринатора» вибрировать и стонать. Бум, бум, бабах. Когда очередной предмет влетал в пещеру, ударялся об стену или застревал где-нибудь в узком месте, снаружи, конечно, не раздавалось ни звука. Но семёрка узников находилась внутри корабля и прислушивалась к происходящему. Они всё это слышали в шестой раз и

¹ *Скруббер* — устройство для очистки газовых смесей.

знали, что должно было случиться потом; справиться с тревогой у них не получалось. Голоса стивидоров звучали где-то рядом, но стены корабля скрадывали смысл слов, сохраняя лишь рычащую ритмичную мелодику.

— Непростой это будет труд,— сказал Гордий.— Рыть, да не просто рыть, а создавать структуру... строить эту штуку изнутри... строить её почти что заново... Но сложнее всего будет жить вместе и не поубивать друг друга.

— Я тебя прямо сейчас прикончу,— сказал Давиде,— если ты не заткнёшься.

Стена, к которой все они были привязаны, отозвалась: гррррмммм! И ещё слышались едва уловимые звуки совсем иного рода.

Приговор гласил, что семерых следовало поместить в пещеру на астероиде под названием Лами 306 — всего-то двести метров в поперечнике был этот мирок, это маленькое королевство. Пещера представляла собой углубление в форме полумесяца в скальной поверхности, след от давнего (ну разумеется) столкновения, которое деформировало и искалечило тело Лами, заставило её поверхность надломиться и пойти складками, в результате чего образовалась вытянутая узкая полость, напоминающая карман,— в ней было полтора десятка метров длины и от силы десять в глубину. Ширина её не превышала одного метра. В эту дыру неопределенной формы «Маринатор» скинул всё необходимое снаряжение, и теперь у него оставалось только два задания. Выдвинулся рукав, подающий пелену, и слой клейкого вещества лёг на край расщелины, похожей на большой рот. По мере того как корабль

трудился, края сближались. Герметик в вакууме затвердевал почти мгновенно.

Все семеро знали, что их судьба решена. Заговорил Луон:

— Слушайте меня,— рявкнул он.— У нас будет больше шансов выжить, если мы станем действовать *сообща*. Не драться, не паниковать — первым делом наладим свет, потом скруббер...

Он не успел договорить. Грузовой отсек содрогнулся, и семь человеческих существ внутри него замерли в ожидании. Семь сердец учащенно забились. Кто-то приготовился, кто-то для такого был слишком возбуждён, но всё случилось независимо от того, были они готовы или нет.

Открылся люк, и перекладина, к которой они были пристёгнуты, отошла от стены. Они улетали друг за другом: Гордий, троекратно превосходивший по весу всех прочих, человек почти сферической формы; Мо, плотно сжавший губы и зажмурившийся; рычащий Давиде; Луон, внешне спокойный; растерянный Марит; Э-дю-Ка, размахивающий кулачищами, будто сражаясь с воздухом; и последний в очереди, слабейший из всех, безногий Жак, с застывшим на лице выражением идиотской безмятежности. Он как будто не понимал, что с ним произошло!

Их потянуло вниз и наружу, протащило задами и лицами по холодным податливым стенкам выгрузного шлюза, а потом выкинуло в вихрящуюся мглу невесомости.

Там было абсолютно темно и очень, очень холодно. Жак предусмотрительно закрыл голову руками, когда его волокло через шлюз, но выбросил их вперёд, как

только почувствовал, что он уже в пещере. Болезненное, неприятное столкновение. Он отскочил от каменной стены, словно мяч, пытаясь погасить собственную скорость. Обнаженная кожа коснулась обнаженного астероида — мистический момент сродни тому, что запечатлен на куполе Сикстинской капеллы¹, ибо к здешнему куполу притронулись впервые с тех пор, как он воплотился из пыли и льда. Ухватиться было не за что, конечно, и, хотя пальцы Жака отчаянно цеплялись за камни, он не смог удержаться на месте. Ему, безногому, приходилось труднее, чем остальным. Воздух в пещере клубился и бурлил, Жака швыряло из стороны в сторону. Его накрыло чувство дезориентации, чудовишной дезориентации; в густой тьме этого места, лишённого света, его уши наполнились белым шумом и болью. Он полетел спиной вперёд, с громким хлопком врезался в какую-то неподатливую жесткую поверхность и понёсся в обратную сторону.

Вот что происходило: «Маринатор» закачал в пещеру достаточно воздуха, чтобы поднять давление до нормального уровня, и теперь запечатывал последнее отверстие в герметичном куполе. Жак был в грузовом отсеке во время шести предыдущих повторений этого сценария и знал, что сейчас испытывает корабль — прикованный к клейкой мембране тем самым рукавом, через который подавался герметик, содрогающийся от потока газов, что изливались сквозь уменьшающуюся дыру прямо в заполненную воздухом

¹ *Потолок Сикстинской капеллы* — известнейший цикл фресок Микеланджело, частью которого является «Сотворение Адама». На этой фреске изображен момент, когда Бог протягивает руку Адаму, передавая ему жизнь.

полость. Их семёрка, связанная, сидела в том самом грузовом отсеке, заполненном узниками, а «Маринатор» дёргался и подпрыгивал, пока наконец не успокаивался, отцеплялся, не ложился на новый курс и улетал прочь. Они сидели рядом с тридцатью пятью другими, когда это происходило; потом с двадцатью восемью, и с двадцатью одним, и с четырнадцатью, и теперь пришел их черёд. Грузовой трюм «Маринатора» опустел, и, когда утихнут вибрация и дрожь, когда всё будет надёжно запечатано, судно развернётся, чтобы направиться обратно к 8 Флоре.

Ни один космический корабль не пройдёт мимо этого места на протяжении одиннадцати лет.

Когда кто-нибудь наконец-то сюда вернётся, он увидит одно из двух. Либо они будут живы, а работа сделана; либо они будут мертвы, а работа не сделана. Не исключено, что семерым заключенным (или той их части, что выживет) удастся превратить внутреннее пространство астероида в вереницу помещений, пригодных для жизни, — или, быть может, они сделают из него одно большое помещение, а синтез-ячейку пристроят в центре, чтобы она светилась, как солнце; не исключено, что они соорудят подобие пчелиного улья или запутанный лабиринт туннелей.

Если они — кто-то из них — ещё будут живы, гонгси их заберёт. В подобных случаях выжившие униженно рассыпались в благодарностях и спешили забраться на борт тюремного корабля. Очень редко выжившие, привыкнув к астероиду, как к собственному дому, пытались сопротивляться — прятаться от спасательной команды и даже драться. Но в подобной маловероятной ситуации им не разрешали остаться, поскольку

астероиды представляли большую ценность для гонгси в незанятом виде. Высадить уборщиков, вставить окна, передвинуть каменюку на более привлекательную орбиту и продать. Выгодное вложение средств. А заключённые? Освободить, отправить обратно в какую-нибудь дыру, коих много в Системе Улановых.

На волю.

Но сначала надо было выжить. Превратить заполненный воздухом закуток размером с комнату, расположенный под поверхностью заледеневшего астероида, в пространство, где семь человек смогли бы продержаться десять с небольшим лет. Это им предстояло сделать самостоятельно, без внешней помощи или руководства, используя то скудное снаряжение, которое гонгси, озабоченная лишь собственной выгодой, соизволила предоставить. Это была простая и, без сомнения, *элегантная* (как же любят это словечко в корпорациях) бизнес-модель. Их гонгси была одной из четырёх, занимавшихся подобной деятельностью; её название — именовалась она, так уж вышло, «Даюрен» — не представляло особой важности. Она выиграла конкурс на распоряжение осужденными преступниками, предложив наименьшие затраты из расчета на одного правонарушителя. Такой подход позволял извлекать наибольшую прибыль из ситуации.

Так устроен мир. Так было всегда.

Конечно, семёрка заключённых ни о чём подобном не думала. Для каждого из них границы мира теперь жестко определялись кровотоком в яремных венах. Отчаянное стремление выжить поглотило всё. Оглушительный грохот, резкая пороховая вонь, горсть песка, брошенная в лицо. Жак закашлялся и не смог оста-

новиться. Но царивший вокруг бедлам не помешал ему спросить себя: велико ли это пространство? Невелико. Долго ли здесь протянут семь человек, которым нужен пригодный для дыхания воздух? Недолго.

Чей-то запыхавшийся голос во тьме:

— Свет... быстро... свет или мы все покойники!

Жак снова отскочил от стены, ударился головой и ринулся вперёд. Раскинув руки, он вцепился в выступ скалы и прижался к нему со всей силой, на какую был способен. Замерев, он поначалу мог только моргать — моргать и кашлять. Темнота была непроницаема; камень, к которому прильнуло его тело, казался убийственно холодным.

— Зажгите свет! — заорал кто-то неузнаваемым голосом.— Иначе...

И стал свет. Желто-белая полоса озарила всю узкую камеру дымчатым, тускловатым свечением. У Жака защипало глаза; впрочем, причиной тому могла быть и по-прежнему клубящаяся пыль.

Жак все моргал и моргал. Теперь он мог разглядеть своих товарищей по несчастью — кто-то уже держался на одном месте, кто-то всё ещё продолжал крутиться. Светошест нашел и включил Давиде — он, как сразу заметил Жак, проявил изобретательность, втиснув эту штуковину в угол между двумя стенами и крепко за неё ухватившись, чтобы закрепиться. Пространство, в котором они находились, и в самом деле было небольшим. По клину рябой чёрно-серой скальной породы сверху и снизу, постепенно сужающемуся и оканчивающемуся тупиком. В той части пещеры, что раньше была открыта, виднелся новый красно-коричневый потолок из пермогерметика, чуть заметно подрагива-

ющий из-за движения воздуха. В голову Жаку пришла в точности та же мысль, что и всем остальным: «Нам предстоит выживать здесь на протяжении одиннадцати лет. У нас есть световещ и кучка снаряжения, которую в любом „Марте“ можно купить за пару сотен кредитов, и со всем этим мы, семеро мужчин, должны как-то протянуть четыре тысячи дней». Это казалось попросту невозможным. Конечно, Жак знал — они все знали,— что у многих заключённых всё получалось, ведь бизнес-модель гонгси всецело зависела от этого, на самом-то деле. Но бизнес-модель гонгси учитывала и процент смертности среди узников, поскольку почти в каждом случае оставленное им снаряжение можно было забрать, и даже в случае гибели заключённых плата за каждого из них, полученная от улановских полицейских чиновников, с лихвой покрывала затраты на перевозку и всякие мелочи. Конечно, если они выживали и делали из астероида годную для продажи собственность, гонгси получала куда бóльшую выгоду. Но у неё не было стимула помогать. Жака интересовал только один вопрос: если они и впрямь выживут, то сохранят ли рассудок? С другой стороны, этот вопрос казался не очень важным по сравнению с неизбежной смертью.

Впервые в жизни потеряв доступ к своему бИту, Жак не мог получить точные цифры — сколько заключённых погибло, не дожив до конца тюремного срока? А сколько было случаев, когда умирали все семеро? И сколько подобных смертей случилось в первые же часы после того, как их сбрасывали с корабля?

Они все думали об этом. Одиннадцать лет в среде, по враждебности превосходящей все мыслимые пределы,